

*Любые совпадения с реальными людьми
или событиями — случайны,
но остаются на усмотрение Зимнего Прокурора*

НЕБО НЕ ТАК СИНЕ КАК ГЛАЗА ТВОИ, КАНТАРИЯ, СИНИ
СПОЙ МНЕ, МОЯ МИЛАЯ, ЧТО-НИБУДЬ ИЗ РОССИНИ
АРИЮ ГРАФИНИ
С РАДИО РОССИИ

МАРИЯ СТЕПАНОВА

Никита

ЛУЧШИЙ ДЕБЮТ

В агонный зад торчал из вокзальной стены, изображая то ли прорвавшийся в железнодорожную цитадель, то ли, наконец, из неё спасшийся состав. Зад был ладный, новенький, по-настоящему образцовый. Он не прорезал стену, а вливался в неё: никаких тебе трещин, отвалившихся кусков штукатурки, вообще следов разрушений. Вписался как родной. У красноярского РЖД всё такое и должно быть: приличненькое, аккуратненькое. Папье-машинное. В смысле, папье-машинское.

Но если вагон был здесь за своего, то сновавшие вокруг него люди — наоборот. Большинство из них наверняка и поездом-то последний раз ездили в каком-нибудь пионерском детстве. Платья с шуршащими юбками, костюмы-тройки и остроносые ботинки, даже галстуки. Хотя предупреждали, что без

них. Два вице-губера, спикер ЗС со своей шушерой, мадам-зелёные-губы из ЦИКа, журналистское старичье, заслуженное до дыр. А около всех этих чужих — пришельцы помельче. Облепили муляж вагона, вертят телефонами, строят из себя композиции с патетично заломленными руками, встают в стойки, чтобы щёлкнуться в популярном жанре «Я и прекрасное».

Никита не спешил влипать во всеобщий инстаграм. Он считал, что это пошло и глупо, а вагонный зад похож на детскую поделку из желудей. К тому же рядом с Никитой сидел Альф, и сбежать от него было не так-то просто — он весь вечер пробует лапать Никиту за ляжку. Это у него покровительственное, это он так говорит: «Не ссы, Никитка, заживём!» Альфред Селиванов, начальник информполитики Серого Дома, давно пробует взять шефство над молодым журналистским дарованием. И даже не взять, а предъявить это шефство, как гаишник удостоверение — привычным неуловимым движением. Другие бы радовались, а Никита всё хочет отгрызть себе ногу и ускакать хотя бы на одной. Нельзя, Альф — хороший источник. Даже слишком хороший. Вот сегодня он дал наводку на одного бывшего миноритария «Моста»...

— Наш регион — локомотив!.. — выкрикнули со сцены.

— Журналистика должна скреплять!.. — сообщили со сцены.

— Как сказали бы во времена легендарного наркома Долгих...

Это как раз заслуженные союзные говноеды. Какой Союз ни приоткроешь, их там кишмя кишит, так и лезут на свет. Никита и в обычной-то жизни смотрел на них с отвращением, а здесь и вовсе ёрзал от невозможности выносить этот позорный цирк. И в то же время он всё ждал, что кто-нибудь из дедов обрушит его предубеждение и выступит с речью в защиту «комитетчиков». Хоть, может, два слова скажет.

— Наркома? Нихера, кандидата в члены! — каркнул над ухом Селиванов. — Вот старая сволочь, ничего выучить не может!

— Это ты им запретил про Баху говорить? — вдруг сообразил Никита.

— Я?! — всплеснул руками Альф. — Да ты внимательно на них глянь! Посмотри в их глазные прорези! Видишь, там нет-нет да и пробежит такая рябь? Такая трясогузка внутренняя порхнёт, да? То есть в кишках всё ещё запрятан человек, который что-то там сучит гордо. Не до конца сквасился. Как я могу что-то запретить этому... высшему существу?!

— Обыкновенно, — Никита с неудовольствием следил, как подвыпивший Альф снова начинает широкоформатно юродствовать, — редакторам сказал, и кирдык.

— Редакторам! — Альф пустил это слово вперёд себя и даже подогнал его рукой. — Да им не нужны ссыкуны-рыдакторы, они сами себе ссыкуны...

Здесь он мог быть и прав.

— Скоро наш поезд отправится к новым остановкам, — зашелестело над залом, — просим пассажиров занять места за своими столиками!

Никто даже не обратил внимания на этот призыв. Праздничные делегаты продолжали лезть в зад поезду и раскладывать водочные бутылки во внутренние карманы пиджаков. При этом передние карманы уже оттопыривались от яблок и светились апельсиновыми боками. Бутерброды обращивались в салфетки и складывались яблокам на голову. И ещё что-то шуршало по пластиковым пакетам.

Стололазы Никиту тоже раздражали. Он привык, что рассовывание по карманам — стыдноватое упражнение, что-то навроде расчёсывания волос в носу. А тут оно почти показательное, с весёлыми перемигиваниями.

— Ничего-ничего, ещё попрыгаете за бутербродами, — пообещал Альф и почему-то вдруг запел: «Мы красные кавалеристы, и про нас...».

Никита решил, что это знак, и выскользнул из-за столика. Он бродил по залу, надеясь встретить кого-нибудь из добрых знакомых, но наткнулся только на людей из новостных сводок. Приходилось признать, что его редактор был прав, когда удивился желанию Никиты пойти на награждение.

— Это же членжуровское мероприятие? — уточнил редактор Андрей и сам же себе ответил: — Членжуровское.

— Ну я же номинант.

— А, — сказал Андрей, враз уяснив причину похода и одновременно потеряв к нему интерес, — ну развлекись.

Сам он в прошлом году идти за лауреатской тарелкой не захотел.

— Не сумею удержать рожу, — пояснял он, — даже если промолчу, всё равно в какой-то момент скорчу им что-нибудь или заржу, когда они расставятся для целования. Кому это надо? Мне — точно нет.

Никите же, честно говоря, побывать на награждении хотелось. Он понимал, что публика соберётся душная, но существовала вероятность, что начнётся разговор об истории с Бахой Гулиевым и «Комитетом» — всё же Баха журналист. А «Комитет» и взрыв моста, который ему шьют, — журналистское событие года, и других лет наверняка тоже.

А ещё внутри копошилась мысль: вдруг удастся уйти с «Золотым пером» на виду у этих ископаемых? Никита даже придумал, куда поставит «Перо» в редакции. И что скажет на награждении — тоже придумал.

Почему он уверен, что получать цацку именно ему? Ну, может, и не ему, конечно. Хотя вот Альф хмыкнул — мол, всё будет как надо. Посмотрим.

Вышла редактор «Нашего единого края». Благодарила. Рассказывала, что журналистика шагает вперёд. Новые форматы. Просветлённые молодые

лица. В смысле, светлые. И забота со стороны наших шефов. От заботы не стоит отказываться. Спасибо!

Потом телеканал «Енисейский». Столько произошло за год, что мы не виделись. Впереди Универсиада! Есть что сделать для пропаганды края. И спорта. Ну, вы меня понимаете. Спасибо губернатору и президенту, что этот праздник для всего края возможен!

И сразу «АиФ на Енисее». Радостно, что можем собраться. О событиях уже сказали коллеги. Это масштаб! Но есть ведь и грустные стороны. А нужно, чтобы их не было. Не надо заикливаться на плохом! Прочь плохое с наших страниц! Происшествия с молодёжью из-за этого в том числе.

Вот сейчас, подумал Никита. Сейчас скажет.

Хрена с два. Регионально-патриотическое воспитание. Юные патриоты Енисейской Сибири...

Дальше можно было не слушать, и Никита пошёл к раздаче: взял каких-то канапе, принёс их за стол и вывалил на тарелку. Есть не хотелось — нервы, наверное. Селиванов заботливо протянул пластиковый стаканчик с водкой — сам Альф пил тоже из одноразового, — Никита задумчиво из него пригубил.

На сцене по-прежнему болтали. Молодящаяся редакторша из «Горизвестий» рассказывала о благоустройстве набережной. Говорила, что это «пример реакции».

«Комитета» опять как и не было.

— Они что, все о нём промолчат? — спросил Никита, наклонившись к Альфу.

— Эти-то? — кивнул Селиванов в сторону заслуженных столиков. — Промолчат, а то как же. Я же говорю: высшие существа, сложная нервная деятельность. — Альф чокнулся с Никитой стаканчиком. — Дураков нет!

Ожидание тянулось столь же мучительно, как больничная физиопроцедура, на которой Никиту били в колено током. Наконец, неведомый машинист выдал протяжный гудок, и тут же на сцену взбежал человек в бежевом железнодорожном кителе с красным шевроном и какими-то медалями.

— Надо им ещё за ранения нашивать, — прокомментировал Альф, которого происходящее — после бутылки в одного — похоже, изрядно веселило.

Никита посматривал на него с завистью.

На сцене состоялся неловкий конференс, похожий на тот, что всегда происходит на выпускных, проводах на пенсию и тому подобных бедах. Тёнька в платье с блёстками сквозь растянутый рот выбрасывала в зал плохие рифмованные строчки, а её дурковатый напарник в промежутках шутил одобренные педсоветом шуточки про молодёжь.

Сначала награждали за вклад в краевую журналистику. Дали коллективу «Красноярского рабочего».